

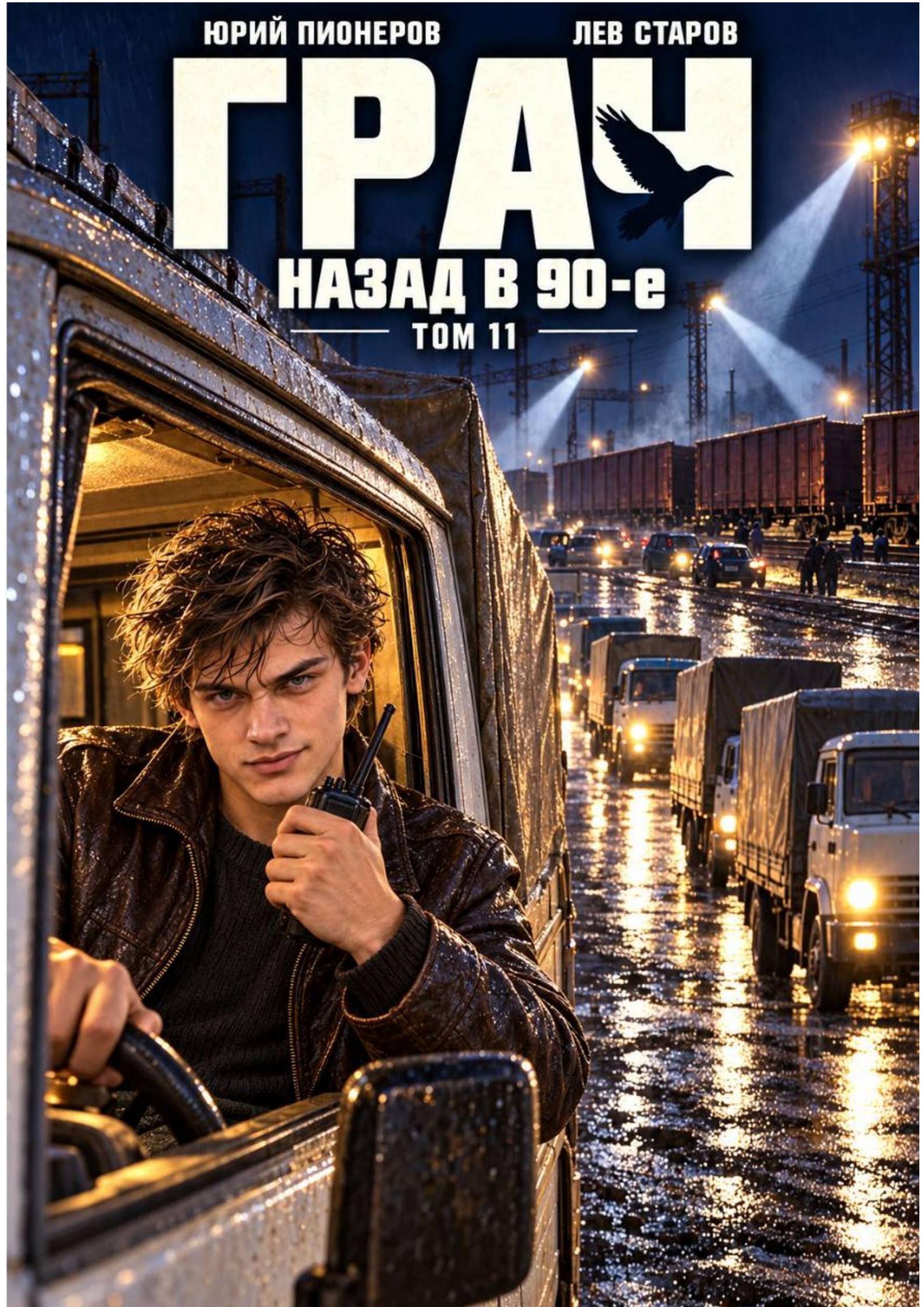
ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 11

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 11

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 11 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор», 2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Грач. Назад в 90е Том 11

Глава 1

В трубке зашуршало, затем пошли гудки. Я дописал время под названием кафе и попробовал перезвонить. Ответа не было. Документы Пастухова оставались у него, и поручиться за их существование пока мог только он сам.

— Что меняем? — Палыч повернулся с водительского места и убрал руку с ключа. — К нему сейчас едем?

— Адреса он не дал. — Закрыв блокнот и сунул мобильный во внутренний карман. — Пока едем по нашему делу. Если позвонит ещё, остановимся.

На окраине мы дождались второй машины и сверили маршрут с Костиным. За это время стемнело; он связался с охраной, уточнил, к каким воротам подъезжать, и показал Палычу поворот на схеме. Найда дремала на заднем сиденье у моей ноги, вздрагивая на каждой яме. Я придерживал портфель коленями: ключи, распоряжение и копия описи лежали внутри.

Когда впереди показалась тёмная ограда фондового хранилища, Палыч погасил дальний свет. Я убрал блокнот с назначенной встречей, подтянул к себе портфель и потянулся к дверной ручке, пока УАЗ подкатывал к воротам.

Мотор УАЗа захлебнулся, когда мы свернули с асфальта в гравийную яму у забора. Палыч оставил двигатель работать и посмотрел на меня через зеркало. Я потёр лицо: от короткой ночи щипало глаза, а впереди предстояло вскрывать хранилища. Пастухов сдал ключи от кабинета, охрана же у ворот подчинялась прежнему распоряжению. Его подпись в моём портфеле ещё требовалось предъявить каждому, кто вздумает нас остановить.

— Тихо, Данила Павлович, — Палыч убрал ногу с педали и указал через стекло на будку. — Консьерж спит на посту. Если заорет — поднимет всю округу. Нам нужна тишина и шестьдесят минут до того, как проснется Москва.

Я выбрался из машины и застегнул куртку: от забора тянуло сыростью, прелыми листьями и машинным маслом. Фонарь над входом в фондовое хранилище Управления мигал, отчего я каждый раз терял из виду ступеньку. В мутном стекле будки дремал человек в бушлате, уронив голову на грудь. На столике перед ним лежала пачка печенья «Мария», у кружки темнел след пролитого чая.

Палыч вылез из УАЗа и подошёл к двери. Дождавшись, пока Щербаков подойдёт от второй машины, он постучал в стекло будки.

Толстяк в будке вздрогнул, сонно моргая, и потянулся к выключателю света.

— Ты чего так поздно? — вахтёр приоткрыл окно и подставил под раму локоть, придерживая её; последнее слово утонуло в зевке.

— Служба, товарищ, служба, — Палыч достал из кармана бушлата пачку печенья и протянул в окно. — Сам знаешь, как это бывает. Ночь длинная, чай крепкий, а скука смертная. Я тут мимо ехал, увидел свет, думаю: вот где настоящий мужик дежурит. Не как эти... молокососы из комендатуры.

Вахтёр оглядел нашу троицу в тёмных куртках, задержался на людях позади. Оружие оставалось в багажнике; до него со своего места он мог разглядеть только наши лица. Я держался за плечом Палыча и давал ему договорить.

— Молокососы... да, — вахтёр принял печенье и сгрёб газеты к краю столика, освобождая место. — Они мне вчера весь стол перевернули. А ты кто такой?

— Старший по хозяйству, — Палыч отступил от окна и показал на нас. — А это мои помощники, Щербак и Грач. Друзья, за которых ручаюсь. Мы тут... инвентаризацию проводим, по поручению. Тебе скучно одному?

— Скучно, — вахтёр поставил кружку на стол и растёр ладони над остывшим чаем. — И холодно, хоть караул бросай.

— Тогда давай договоримся, — Палыч опустил перед окном на корточки и придерживал раму снизу, чтобы она не ударила вахтёра по локтю. — Ты нам сейчас не мешаешь. Мы работаем быстро, тихо, без лишнего шума. А утром я тебе принесу термос с настоящим кофе, который варит моя жена. Лучше любого чая из автомата. И место в охране, если надоест здесь сидеть. На складе сухо, тепло и есть с кем поговорить.

Вахтёр потрогал край новой пачки, словно проверял, вправду ли её оставят ему. Потом отодвинул чай и подтянул к себе журнал. Я достал документы: пора было вписать наш приход, пока хозяин будки соглашался.

— Ладно, — буркнул он, отходя от окна и закрывая его занавеской. — Только быстро. И не шумите.

Щербаков молча шагнул к массивной двери фондового хранилища. Попробовал переданный Пастуховым ключ от кабинета. Тот вошёл лишь наполовину; Щербаков вытащил его и проверил остальные на связке. К хранилищу они тоже не подошли.

Кабинет нам сдали, а ключ от этой двери так и не передали. На рассвете мог явиться грузовик за документами; ждать, пока разыщут кладовщика, я не собирался.

— Щербак, подавай домкрат, — отвёл Люську от двери и уступил ребятам место у рамы.

Два наших парня подошли к раме. Щербаков сунул тонкую лапу гидравлического домкрата в щель между дверью и косяком. Краска хрустнула под лапой домкрата, металл натужно заскрипел, поддаваясь усилию. Через минуту дверь распахнулась внутрь.

В хранилище я чуть не задел плечом стеллаж: после фар глаза ещё привыкали к темноте. Между коробками пахло пылью и старой бумагой. Щербаков направил фонарь в проход; у стены проступили железные шкафы.

— Больше, чем ожидали, — Щербаков подсветил нижнюю полку и вытащил из прохода упавшую коробку.

В открытой Щербаковым коробке лежали двойные накладные. Дальше шли ведомости выплат с фамилиями получателей, маршруты с чужими поправками на полях. Я вынул верхнюю папку, проверил подписи и передал Люське. За эти бумаги Мошарин ещё поборется; тем крепче следовало закрепить каждую в описи.

За двадцать минут мы разобрали ближайшие стеллажи, оставляя коробки на своих местах после сверки. У входа Люська заполняла бланки описи. Карандаш у неё скрипел по бумаге; на очередном номере она задерживала нас, пока не запишет дату и подпись ответственного.

Палыч передал сменщикам пост у двери и вернул вахтёру пачку печенья, которую тот выронил при скрежете домкрата. Тот подобрал крошки с рукава, заглянул в нашу опись и поставил подпись под временем входа.

Люська закрыла последнюю коробку архива и подписала пломбу. Палыч оставил у хранилища двоих отставников, остальных рассадил по машинам. Мы поехали к продуктовому складу; светлело, и по дороге нам уже попадались первые рабочие автобусы.

Рассвет застал нас на втором объекте — основном продуктовом складе для социального заказа. И здесь нас ждали.

У ворот два грузовика загородили проезд, а между ними охрана натянула проволоку. Четверо в камуфляже держали автоматы на плечах. Их капитан в отставке Юдин стоял чуть впереди; широкими плечами он почти заслонял калитку. Он курил, провожая наш УАЗ взглядом. Сзади затормозил автобус с отставниками и инструментом.

Вышел из УАЗа первым, следом выбрались Щербаков и двенадцать вооружённых отставников. В двадцати метрах от ворот я остановился. Юдин сделал знак охране, и четверо подняли автоматы.

Ребята за моей спиной тоже перехватили оружие. Держал руки так, чтобы капитан видел обе ладони.

— Дальше ни шагу, — Юдин вытянул перед собой ладонь и оттеснил плечом охранника, закрывшего ему обзор. — Объект является собственностью союзного органа. Доступ разрешен только по распоряжению Москвы. Вы нарушаете порядок.

Юдин смотрел поверх портфеля, на наших вооружённых людей. Обычный разговор через ворота тут мог закончиться выстрелом: капитан охранял объект по приказу, и отменить его моими устными заверениями было трудно. Подождал, пока он снова посмотрит мне в лицо.

— Капитан Юдин, — поднял руки до груди и повернулся к нему боком, показывая портфель. — Меня зовут Данила Павлович Грачёв. Вы знаете, кто я.

— Знаю. Тот, кто подписал стандарт. Поздравляю с победой в комиссии. Но победа в комиссии не дает права грабить склады в четыре утра, — Юдин стряхнул пепел и придавил окурок подошвой.

— Это не грабеж, — шагнул вперёд и остановил Щербакова ладонью у него на груди. — Это исполнение закона. Посмотрите на мои документы.

Из портфеля я достал гербовый журнал регистраций. Кожаный переплёт скользнул в ладони; пришлось подпереть тяжёлую книгу снизу. На отмеченной странице стояла подпись Пастухова, заверенная печатью управления стандартизации.

Капитан указал на капот УАЗа. Положил туда журнал и отошёл на шаг; Юдин велел охране держать нас на прицеле, затем приблизился к книге.

— Подпись Пастухова, — Юдин потянул к себе край разворота и провёл пальцем под фамилией. — Но Пастухов сдал полномочия.

— Полномочия на управление кабинетом. Не на уничтожение активов, зарегистрированных в этом журнале. Согласно пункту 12 регламента аккредитованных экспертов, я имею право часового доступа для проведения внеплановой описи в случае угрозы потери государственного имущества, — повернул книгу к нему и отделил закладкой страницу допуска.

Капитан задержался над подписью. Открыл следующий разворот с бланком эксперта и временем начала допуска, придерживая тяжёлый переплёт снизу.

На часах я выставил таймер оставшегося допуска и повернул циферблат к Юдину. Щелчок разнёсся между машиной и воротами.

— Шестнадцать минут назад начался мой часовой доступ, — показал Юдину часы и прижал журнал локтем к капоту. — У нас осталось сорок четыре минуты, чтобы открыть ворота. Или остаться снаружи, пока я буду составлять акт о препятствовании деятельности госоргана. Этот акт уйдет Гридасову. А Гридасов, как вы помните, любит работать с бумагами быстрее, чем с пулями.

Капитан взглянул на часы и задержал палец на времени допуска. Убрал руку с журнала, чтобы дать ему сверить запись.

— Мне нужно подтверждение, — Юдин закрыл журнал и потянул с пояса рацию.

— Звоните, я подожду здесь, — забрал книгу с капота и отодвинул портфель, освобождая ему место.

Капитан повернулся вполоборота к воротам. Из динамика до меня доносилось лишь шипение, зато его самого я слышал хорошо.

— ...Капитан Юдин. Объект два, поступила группа гражданских лиц с требованием доступа... — он повернул к себе мой бланк и подвёл антенну ближе к воротам. — Да, предъявляют журнал регистраций и бланк эксперта... Подпись Пастухова... Я понимаю, жду ответа.

Через три минуты я проверил часы. На пятой Люська переступила с ноги на ногу, прижимая бланки к боку. Когда миновало десять, я снова сверился с таймером.

Охрана продолжала держать нас под прицелом. У ближайшего бойца рукав зацепился за ремень автомата; я следил, как он осторожно освобождает ткань, и удерживал свою ладонь

раскрытой. Для описи мне хватило бы открытых ворот. А вот перестрелка погребла бы под собой и бумаги, и весь допуск.

На одиннадцатой минуте рация в руке Юдина затрещала.

— ...Да, товарищ майор, вижу... — Юдин поднёс рацию к уху и прикрыл второе от тарахтения двигателя. — Хорошо, распоряжение принял. Конец связи.

Юдин отвёл рацию от лица. Выпрямился, встречая его взгляд, и подвинул к себе портфель.

— Областное управление подтверждает ваш статус и необходимость описи, — он закрепил рацию на поясе и вернул мне бланк. — Но предупреждает: повреждения имущества пойдут отдельным актом. Область поручила вашей группе закончить опись всех четырёх объектов и принять их под ответственное хранение. Распоряжение передадут дежурному факсом.

— Имущество будет сохранено, — убрал бланк в портфель и подозвал Люську с описью. — Под нашей охраной. До прибытия ликвидационной комиссии.

Юдин помолчал еще секунду. Потом кивнул своим людям.

— Пропустить группу, машины убрать, — Юдин снял проволоку с крюка и отступил к столбу, пропуская первого водителя.

Грузовики задним ходом отъехали в стороны. Ворота распахнулись.

Прошел внутрь, не дожидаясь приглашения. Щербаков и остальные остались снаружи, контролируя периметр. Внутри склада было светло от высоких окон. Пахло мукой и сахаром.

Люська вошла следом за мной и забрала у заведующего инвентарную книгу. Раскрыв её, она подставила страницу под свет окна.

— Начинаем с первого ряда, — Люська заложила карандашом страницу и потянула меня к штабелю у окна.

Принял у Люськи раскрытую книгу. По мелкому почерку пришлось вести ногтем, чтобы удержаться на одной строке. Сперва проверил наименования и назначение груза, а уж потом перешёл к весу.

«Мука высшего сорта. Поставщик: хлебозавод №4. Назначение: соцзаказ, районы К-7, К-9».

Перевернул страницу, придерживая тяжёлую крышку переплёта локтем.

«Крупа манная. Поставщик: база „Заря“. Назначение: детское питание, школы района Ленинского».

Ниже шла запись о сахаре. Подвинул книгу под свет, чтобы прочитать размазанное назначение.

«Сахар-песок. Поставщик: импорт. Назначение: столовые детских садов, район Заводской».

У последней графы я задержался: там, где следовало стоять подписи получателя, провели прочерк.

— Люська, посмотри сюда, — развернул книгу перед ней и показал пустую графу.

Она подошла с бланками, оставляя мне место у колонок.

— Что такое, получателя потеряли? — она придерживала страницу за угол и наклонилась к записи.

— Соцзаказ уходит «в никуда», — проследил строку пальцем и задержался на колонке «получатель». — Видишь эти прочерки? Или записи «склад временного хранения»? Товар приходит на базу, числится как поступивший, но никогда не списывается в расход по назначению. Куда он девается?

Люська прищурилась, считая суммы в последней колонке.

— Это тысячи тонн, Данила. Мука, крупы, сахар. Все то, что должно идти детям, — Люська перенесла сумму на свой бланк и сложила несколько строк на полях.

— А идет куда? — перевернул страницу и подвинул к ней следующий разворот.

— В серую схему, — она выдернула из стопки чистый бланк и записала номер книги. — Если эти остатки только на бумаге, Мошарин продолжает красть еду из школ. Сначала пересчитаем мешки и запросим подтверждения получателей: одними прочерками его не прижмёшь.

От чтения этих строк я так стискивал переплёт, что заболела подушечка большого пальца. Разжал руку и положил книгу на ящик: номера партий ещё нужны будут школьным директорам. Пусть сопоставят с тем, что им выдали.

— Запиши отдельной описью, — придвинул ей книгу и обвёл номера школьных поставок. — Пометить как «спорное имущество, требующее проверки целевого использования». Эти строки нужны не для складов. Они нужны для школ. Для инспекции.

В шапку новой описи Люська перенесла номер книги и адрес склада.

— Инспекция области? Прямо сейчас? — она вытащила телефон и задержала его над открытой папкой.

— Нет, — опустил её руку с телефоном и показал на ворота, где всё ещё стоял Юдин. — Сейчас мы займем объекты. А завтра я приеду к директорам этих школ. И покажу им эту книгу. Пусть посчитают, сколько обедов они недоели из-за чужих карманов.

За складскими остатками теперь стояли конкретные школьные адреса. Я выписал их на свободную страницу блокнота. К утру следовало найти людей, которым эти партии полагались по ведомости, и получить у них свои цифры.

Заведующий подписал акт спорных остатков, а Люська вложила его в папку отдельно от общей описи. Щербаков оставил пост у ворот, мы с остальными объехали ещё два адреса из распоряжения области.

На каждом из четырёх объектов мы составили опись и оставили охрану из отставников. Когда Щербаков доложил о последнем poste, я сверил адреса по списку и закрыл его.

До полудня Пастухов дозвонился на склад и попросил меня к аппарату. В «Столичный» велел не ехать: адрес передачи оставит с ключом. Я записал отмену встречи на полях блокнота и вернулся к описям.

К обеду солнце поднялось высоко, рассеяв туман. Закончив последний акт, мы поставили печати и заперли инвентарные книги в сейфе первого склада. Для школ Люська сняла копии нужных страниц и заверила их вместе с заведующим; подлинники остались под печатью.

Когда я убирал последнюю заверенную копию в папку, у ворот засигналили машины ликвидационной комиссии.

Белые «Волги» с московскими номерами въехали на территорию базы ровно в 13:00. Из машин вышли мужчины в костюмах. Впереди пятерых шёл сухощавый тип с портфелем; значок союза поблёскивал у него на лацкане.

Я встретил их на крыльце административного корпуса. Со мной был Щербаков и Палыч, державший в руках термос.

— Добрый день, господа, — принял у Палыча термос и отвернул крышку. — Прошу. Чай горячий, свежий.

Представитель комиссии, которого звали Аркадий Львович, осмотрел нас поверх очков.

— Мы представляем комиссию по ликвидации последствий реорганизации. Требуем немедленного вскрытия печатей на всех объектах для передачи имущества федеральной собственности, — Аркадий Львович вынул из портфеля удостоверение и раскрыл передо мной.

— Печати установлены законным порядком, согласно акту описи, проведенной экспертом Грачёвым, — разлил чай по пластиковым стаканчикам и отставил термос к перилам. — Опись составлена в присутствии администрации объекта и представителей местного самоуправления. Протокол ознакомления уже направлен в область.

Аркадий Львович пробежал глазами первую страницу, затем вернулся к номеру областного распоряжения. Я выждал, пока он прочитает до подписей.

— Ваши действия незаконны. Вы не имеете права препятствовать работе федеральной комиссии, — он захлопнул удостоверение и толкнул его в нагрудный карман.

— Имею, — протянул ему стаканчик и раскрыл лежавшую на перилах папку. — Вот распоряжение области и акт передачи на ответственное хранение. Моя подпись стоит рядом с подписью администрации каждого объекта. До нового письменного решения имущество остаётся здесь, а посты отвечают за сохранность. Хотите спорить? Спорьте письменно. При секретаре. Я готов ждать решения суда месяц, пока ваши люди будут стоять у закрытых ворот. Или вы можете расписаться в протоколе ознакомления и уехать писать жалобу Мошарину.

На имени Мошарина он дёрнул подбородком. Стаканчик в его руке согнулся, и чай плеснул на ступеньку. Я подал ручку, оставляя папку раскрытой на подписи.

Аркадий Львович схватил её и расписался, продавив бумагу до следующего листа.

— Мы оставляем за собой право оспаривать вашу опись в Верховном суде, — Аркадий Львович отбросил ручку на папку и стянул с неё свой экземпляр протокола.

— Пожалуйста, обжалуйте, — убрал подписанный лист и подхватил стаканчик, задетый его локтем. — Только чай допейте, горячий же.

Машины комиссии скрылись за поворотом, подняв пыль над дорогой. Я подождал, пока осядет эта завеса, прежде чем вернуться к нашему экземпляру.

Я провёл ногтем по свежей подписи на нашем экземпляре: комиссия ознакомлена, копию получила. По рации подтвердили посты у всех складов. Архив оставался под охраной, и до письменного решения москвичам придётся разговаривать с нами через эти ворота. Хотя раз за утро я позволил себе сесть.

Ступенька оказалась холодной даже через брюки. Вытянув ноги, я размял ступни в ботинках; после ночи они гудели так, что хотелось разуться прямо на крыльце.

— Данила Павлович, подойди-ка, — Щербаков поманил меня от ворот и указал на столб под петлёй.

Я встал со ступеньки и пошёл к нему, придерживаясь за перила.

К железному столбу ворот был приклеен конверт. Обошёл столб, проверил обратную сторону: на бумаге красовалось только маркерное «Для Грача».

Сорвав конверт со столба, я вытряхнул на ладонь маленький латунный ключ. На кольце болталась бирка «К-7».

— Откуда? — поднёс конверт к свету и вывернул пустой угол над ладонью.

— Лежал там, когда машина подъехала. Никого не видели, — Щербаков провёл пальцем по остатку клейкой ленты и заглянул за ворота.

Латунь оттягивала пальцы. Повертел старый ключ, проверяя бирку «К-7»: такие встречались мне у вокзальных камер хранения.

Пастухов обещал передать личную переписку, которую держал отдельно от служебных бумаг. Очень хотелось принять ключ за его посылку. Но конверт мог приклеить любой, а подписи внутри я так и не нашёл.

Сначала проверим, какой замок он открывает. Щербакова оставлю на постах, с собой возьму Палыча.

Протянул Щербакову пустой конверт, чтобы тот показал его смене у ворот.

— Едем домой, — убрал ключ в карман и закрыл портфель. — На вокзал поеду после школьной проверки. Ключ пока будет при мне.

Дождавшись, пока Люська соберёт копии, мы вернулись на базу. Там предстояло разнести посты по сменам, позвонить Зое и поднять школьные счета; к машине мы вышли лишь под вечер.

Обратно мы ехали по проселочной дороге. Солнце садилось, краснея в деревьях. Люська сидела рядом, перебирая копии описей.

— Ты уверен, что это безопасно? — Люська положила описи на колени и повернулась ко мне, упершись ладонью в сиденье на ухабе. — Вскрытие камер хранения на вокзале... Там всегда милиция.

Глава 2

— Похоже, он оставил бумаги в камере хранения, — нащупал ключ сквозь ткань и пересел подальше от жёсткой спинки. — Пастухов знает места. Если он хочет передать архив лично, он сделает это там, где не ждут.

— А если это Мошарин? — она собрала съехавшие копии и прижала их папкой.

— Если бы это был Мошарин, ворота бы горели, а не открывались, — помог ей вытащить застрявший у сиденья лист и вложил его между копиями. — Мошарин действует грубо. Пастухов даже предательство оформляет по форме. Хотя за ключ я пока поручусь только в одном: латунный.

На кочке меня качнуло к стеклу. В зеркале за машиной растянулся пыльный хвост; поворот на базу уже скрылся в нём.

Завтра эти же документы придётся предъявлять людям, у которых дети каждый день возвращаются из школы голодными. Тут одной печатью их доверия не купишь.

Достал блокнот и написал крупными буквами: ШКОЛЫ. ОБЕДЫ. ИНСПЕКЦИЯ.

Под словом «ИНСПЕКЦИЯ» я провёл черту и попросил Люську найти накладные школьных поставщиков. До утра она успеет собрать сравнение, а Зоя привезёт образцы.

Три машины шли гуськом, разрывая утреннюю дымку над трассой в сторону Шмель-района. В багажнике моей «Волги» позвякивали гири старых чашечных весов. Я выписал их из фондов Управления вместе с заверенными копиями инвентарной книги и перед выездом проверил чаши. Рядом лежали тетради Люски и коробка пряников от Кузи: сладкий подкуп для детей, чтобы они не разбежались при виде странных дядей в гражданском.

Зоя Ермолаевна на переднем сиденье следила за берёзами у обочины. При каждом повороте к райцентру она поправляла платок, затягивая узел всё туже. Сорок лет в школьном питании позволяли ей заранее назвать фамилии тех, кто встретит нас у двери. По тому, как она держала сумку на коленях, я догадывался, сколько радости ей доставляла эта встреча.

— Данила Павлович, — Зоя потянула платок под подбородком и обернулась ко мне, когда мы свернули на просёлок. — Может, развернёмся? Я же знаю этих директоров. Они нас съедят с потрохами.

Вынул из папки заверенные страницы инвентарной книги со склада Пастухова и отыскал школьные поставки. — Читай вслух, страница четыреста двенадцатая, — передал ей копии и указал нужную строку. — Соцзаказ на детское питание, районы К-7, К-8.

Зоя развернула копии и прочла объёмы муки, крупы и мяса. Затем провела пальцем по пустым графам выдачи школам. Эти страницы можно было положить перед любым директором и попросить объяснить, где расписка о получении. Я ждал, пока она дочитает, придерживая угол папки на ухабах.

Она подняла на меня глаза, ещё раз пробежала пустые графы и выпрямилась в кресле. Платок теперь лежал свободно; Зоя отпустила узел. — Едем дальше, — Зоя сложила страницы и прижала их к сумке. — Будут есть, так хоть подавятся. — У ворот столовой она вышла из машины первой.

Выгрузив ящики у крыльца, мы поставили их в ряд. Зоя взяла копии счетов, я отнёс весы к двери; пряники пока оставили в машине, чтобы дети не опрокинули стол раньше проверки.

В столовой района №1 гудела вентиляция. Я остановился на крыльце, прислушиваясь: к обеду тут уже следовало греметь кастрюлями. Через открытое окно тянуло прохладой пустого зала.

На пороге стояла Вера Аркадьевна, директор столовой. Женщина с лицом, изрезанным морщинами недоверия, и взглядом, скользющим мимо меня. За ней, в глубине зала, мая-

чили две фигуры охранников, скучающих с такой показной небрежностью, что было ясно: их послали сюда специально.

— Проверка не принята, — директор загородила проход и подтянула к себе дверь за ручку. — Санобработка. По указанию райисполкома. Просим покинуть территорию.

Я убрал удостоверение и улыбнулся директору. Проталкиваться мимо неё означало дать этим двоим повод вышвырнуть нас за дверь. Зато на крыльце было достаточно места для весов, а родители скоро придут за детьми.

Мы развернули весы прямо на крыльце, под открытым окном столовой. — Люська, включай громкоговоритель, — вынул рацию из кармана и высунулся из-за крыльца, показывая Люське, где поставить столы.

Из второй машины вышли отставники в штатском. Они разложили три складных стола у входа. Мы выставили муку и гречку; рядом Зоя положила масло, а я поднёс коробку с говядиной. Всё привезли по стандарту, с накладными, которые директор могла проверить на месте.

Директор торопливо оглянулась к двери, где ещё стояли её охранники. — Что вы делаете? Это частная территория! — Вера Аркадьевна спустилась на ступеньку и ухватилась за край ближайшего стола.

— Общественная дискуссия, — придержал ножку, чтобы стол не сложился, и поставил на него весы. — Вы говорите, санобработка. Но окна открыты. Дети уже идут.

За углом дома показались младшие школьники. За ними шли матери; одна остановилась у наших коробок и позвала остальных. Я придвинул весы к краю, чтобы их было видно с дорожки.

— Приглашаю всех, давайте посчитаем, — раздвинул коробки и освободил место перед чашами весов. — Прямо сейчас, при свете дня. Сами взвесите, сами проверите цену.

Вера Аркадьевна потребовала убрать столы и позвала охранников. Ветеран с перебитым носом встал у ножки ближайшего стола, пропуская к нему родителей. Охранники шагнули из дверей, оценили ширину его плеч и остались на верхней ступеньке. Я расстелил перед весами чистую бумагу.

Зоя подошла к своему столу. Родители обступили её теснее, и мне пришлось отнести коробку в сторону, чтобы освободить им подход. — Вот это называется стандарт Грача, — Зоя подняла пачку муки над головой и повернула к родителям этикетку. — Мука высшего сорта. Цена закупки фиксированная, никаких наценок.

Матери придвинулись к столам. Одна достала из сумки школьную квитанцию и отыскала сумму; соседка придержала ей бумагу. Ну вот, теперь сравнивать будут сами.

Зоя раскрыла мешок, чтобы родители могли взять муку пальцами, а я попросил поставить рядом доску. Пока повариха выносила хлеб, Люська ушла к машине: оттуда ей удобнее было сверять школьную ведомость по рации.

Достал калькулятор и настроил рацию погромче. Люська сверяла расчёт по тетрадям у машины; страницы она исписала до самого края, так что нужную строку искала чуть дольше обычного.

— Старая накладная, — прижал копию к доске и обвёл карандашом графу списания. — За хлебную порцию с вас берут восемь тысяч пятьсот рублей. Каша стоит шесть тысяч, фрикадельки семь тысяч. Всего по этим трём строкам двадцать одна тысяча пятьсот. Но ниже ещё десять тысяч рублей: доставка, фасовка, посредническая надбавка. За готовый обед с вас удерживают тридцать одну тысячу пятьсот рублей.

Люська передала по рации номера накладной и школьной ведомости. Я записал их рядом с итогом, а Вера Аркадьевна потянулась к листу.

— Дайте проверить, что вы туда насчитали, — она сняла копию с доски и провела ногтем по нижней строке.

— Проверяйте, для того и привёз, — отступил, пропуская к ней родителей, и развернул второй расчёт. — По стандарту двести граммов хлеба стоят четыре тысячи сто рублей. Гречка с маслом восемь тысяч, мясная котлета десять тысяч, компот стоит тысячу четыреста. Двадцать три тысячи пятьсот за готовый обед, с доставкой. Здесь она включена в цены, второй раз за неё денег брать нельзя.

На крыльце зашуршали листы. Женщина в первом ряду пересчитала обе колонки на своём калькуляторе и передала его соседке.

— А вес кто проверял, вы сами? — она подняла прибор над головами и указала на хлеб.

На стоявшие перед ней весы я выложил оба образца. Старая порция потянула на сто граммов, новая на двести. Сухая крошка от первого куска рассыпалась по чаше; Зоя собрала её на блюдце, чтобы взвешивание можно было повторить.

— У нового хлеба сто граммов обходятся в две тысячи пятьдесят рублей, — разделил на калькуляторе четыре тысячи сто на два и повернул экран к женщине. — Только сравнивать будем весь обед с целым обедом. Из тридцати одной тысячи пятисот рублей вычитаем двадцать три тысячи пятьсот, получаем восемь тысяч рублей разницы. Ни вес, ни доставку за скобками не оставляем.

Поднял голову от калькулятора: теперь результат можно было сверять с расходами целой семьи. — Сколько обедов в месяц ест ваш ребёнок? Двадцать, — вывел число под обеими колонками и умножил на разницу. — Восемь тысяч рублей экономии на каждом обеде. Сто шестьдесят тысяч рублей в месяц на одного ребёнка.

Шёпот в толпе усилился. Сто шестьдесят тысяч рублей люди тут же примерили к своим расходам: женщина с калькулятором что-то подсчитала мужу и крепко взяла его под локоть.

— А теперь умножьте это на количество детей в районе, — дописал под итогом пять тысяч и подвинул доску, чтобы директору тоже было видно. — Пять тысяч учеников. Пять тысяч раз по сто шестьдесят тысяч. Получается...

Рация на поясе хрипнула; я снял её и поднёс к микрофону громкоговорителя, чтобы родители услышали Люську. — Восемьсот миллионов рублей в месяц утекают из ваших карманов в чужие, — повторил за ней результат и провёл под ним черту. — Через эти двери.

Женщина с калькулятором перестала нажимать кнопки и посмотрела на директора. Та отступила к двери, задев плечом косяк. Родители стояли так тесно, что я ощущал их локти; теперь сквозь их молчание было слышно, как шуршит лист на ветру.

Мать какого-то мальчишки, крепкая женщина с руками, мозолистыми от работы на заводе, шагнула вперёд. — Покажите мне этот хлеб, — женщина протянула ладонь над весами и отодвинула пустую чашу.

Я отломил кусок и протянул ей. Женщина пожевала, разломила остаток и дала половину мужу. — Господи, — она растёрла между пальцами мякиш и подставила мужу ладонь с прилипшими крошками. — Он живой.

Люди потянулись за хлебом и просили взвесить следующую порцию при них. Пока Зоя объясняла про муку, я позвал парня от машины принести пряники. Дети тут же облепили коробку, а взрослые подходили к весам с квитанциями, прижимая к себе попробованные кусочки.

Вера Аркадьевна попыталась захлопнуть дверь, но родители придержали створку. Одной рукой она тянула ручку на себя, другой показывала охранникам убрать людей с крыльца. Я попросил дать проход следующей женщине с квитанцией.

У весов образовалась очередь. Зоя складывала проверенные порции на отдельное блюдо, я закрепил обе калькуляции на доске. Директор отпустила дверь и ушла звонить бухгалтеру.

К половине двенадцатого мы перенесли столы внутрь, чтобы освободить крыльцо. Родители заполнили зал; у доски пришлось оставить узкий проход. Вера Аркадьевна вернулась со своим бухгалтером.

Мужчина в очках протиснулся ко мне, придерживая папку под мышкой. Директор остановилась у него за плечом. — Вот, товарищ Грач. Ваша схема дороже. Мы учитываем потери при варке, электроэнергию, амортизацию оборудования. Мы считали только продукты, без прежних посреднических сборов. По нашей таблице выходит дороже, — бухгалтер раскрыл папку и придавил калькуляцию ладонью, загораживая соседние листы.

Я вытянул калькуляцию из-под его ладони и сверил первую строку с нашей. Проверил и вторую, задержавшись на масле: цена за литр подросла ещё до варки и амортизации оборудования.

— Люська, — нажал передачу и придвинул рацию к микрофону громкоговорителя. — Диктуй раскладку по маслу.

Рация выдала Люськину раскладку. Я повторял цифры в громкоговоритель, успевая вписывать их на лист. — Масло растительное, нерафинированное, местное, — под диктовку Люськи вписал закупочную цену рядом с бухгалтерской и повернул лист к родителям. — Закупочная цена две тысячи сто пятьдесят рублей за литр. В вашем документе указано три тысячи восьмьсот. Откуда такая наценка? Это не транспортные расходы, это маржа поставщика. А поставщик у вас один, и он же возит товар на склад Управления.

Бухгалтер поправил съехавшие очки и протянул руку к своим расчётам. — Это... это ошибки в учёте, — бухгалтер потянул калькуляцию к себе и прижал её папкой. — Надо поднять первичку...

— Вот её и поднимем, — придерживал край калькуляции и придвинул к нему копию накладной. — Здесь вы занижаете вес масла, зато завышаете цену. Вы крадёте у детей жир, чтобы дать им воду вместо супа.

Из толпы потребовали показать счета. Бухгалтер прикрыл папку обеими руками и попятился к директору. Оставил накладную на доске: пусть сравнивают, пока он ищет, что ещё списать на ошибку.

Тут в дверь вошёл заместитель председателя райисполкома Чеботарь. Маленький, юркий человек в костюме, который сидел на нём, как на вешалке. Его лицо было искажено яростью.

— Что здесь происходит?! — Чеботарь втиснулся между родителями и оттолкнул стул от доски. — Непредвиденная проверка! Немедленно прекратить балаган! Я требую инспектора из области!

Инспектора он потребовал достаточно громко, чтобы услышали все родители. До приезда областной проверки можно было вернуть калькуляции в папку и закрыть зал. Я отодвинул рацию, придерживая нашу доску за край.

У стенда уже стоял Петров. Я поймал его взгляд и чуть отступил, оставляя проход к весам.

— Инспектор уже здесь, — поставил рацию на стол и повернул доску к выходу, освобождая проход.

Чеботарь выставил подбородок, загораживая мне родителей у доски. — Где? Ты самозванец, Грач! — Чеботарь обошёл доску и ткнул пальцем в моё удостоверение.

— Не я, — убрал удостоверение от его пальца и протянул руку к Петрову, приглашая его вперёд. Старший инспектор ГАИ подъехал с нами в колонне; теперь он стоял у стенда с результатами взвешивания, держа раскрытые корочки.

Петров шагнул вперёд, придерживая корочки большим пальцем. — Старший лейтенант Петров, служба безопасности дорожного движения, — он показал Чеботарю удостоверение и положил рядом с весами поверочное свидетельство. — Я здесь как отец ученика и свидетель взвешивания. Каждый может посмотреть номер и дату. За всю пищевую проверку я расписываться не стану. А от доски отойдите: вы людям мешаете читать.

Чеботарь задержался на раскрытом удостоверении, затем посмотрел на родителей. Петров убрал корочки и встал рядом с женщиной, державшей школьную квитанцию. Его сын тоже приходил домой голодным; об этом он успел рассказать мне по дороге.

Подвинул поверочное свидетельство к родителям. Они продолжали сверять веса и суммы, пока Чеботарь оглядывал зал. Увести их от столов ему теперь было гораздо труднее: каждый уже подержал свой кусок хлеба и увидел разницу на весах.

Чеботарь отступил к лестнице, но родителей из столовой вывести так и не смог. Мы убрали продукты в коробки, оставив образцы для повторного взвешивания; у доски тем временем разложили коллективное письмо.

Чеботарь поднялся в кабинет и хлопнул дверью так, что у доски обернулись родители.

В коллективном письме значилось: «Просим перевести школу на новый стандарт питания». Родители передавали ручку из рук в руки, один придерживал лист, пока другой расписывался. Остался у стола и помог вписать номер накладной в приложение.

Затем мне понадобилось вернуть директору её экземпляр калькуляции. Вера Аркадьевна поднялась вслед за Чеботарём, и я пошёл на второй этаж. Его кабинет выходил окнами на задний двор; из форточки к столбу тянулся телефонный провод.

На лестничной площадке директор сидела у стены, сжав ручки сумки. Остановился перед ней с калькуляцией; из приоткрытого кабинета Чеботаря доносился разговор. Задержался у двери, держа листы перед собой.

Наверху его голос сделался тише. Пришлось встать ближе к косяку, чтобы разобрать слова.

— ...Да, ситуация критическая... Грач здесь... Люди в зале... — Чеботарь подошёл к окну и оттянул ворот рубашки; через щель двери я видел его профиль. — Да, он показывает веса... Нет, я не могу их остановить силой, это вызовет бунт...

Чеботарь замолчал. По тому, как он держал трубку обеими руками, я ждал следующего слова.

— Фонд обеспечит?.. Когда?.. Хорошо. Я жду инструкций. Да, номер тот же, — он потянул к себе блокнот и застыл над ним с ручкой.

Трубка стукнула о рычаг аппарата. Отступил от щели в двери.

Прижал калькуляцию к бедру, чтобы бумага перестала шуршать. Опять фонд. Это название уже возникало в истории с лицензированием поставок, где оплачивали борьбу с моим стандартом. Теперь Чеботарь ждал оттуда помощи против школьных весов.

Нужно было записать разговор, пока помню дословно, и проверить связь фонда с райисполкомом. Если за обоими делами стоял один кошелёк, школьные накладные добавляют к нему ещё одну нитку. Раскрыв блокнот, записал фразу «Фонд обеспечит», а рядом поставил фамилию Чеботаря.

Вернув директору калькуляцию, остался на лестнице дописать время звонка. Со стороны зала всё ещё доносились голоса родителей.

Дождавшись, пока Чеботарь выйдет, спустился к Зое и пересказал разговор. Телефон и собеседника ещё предстояло установить. Она попросила оставить копии накладных, а сама села обзванивать следующий район.

Вечером небо затянуло тяжёлыми серыми облаками. Пахло дождём и мокрой землёй.

Мы вернулись в город поздно. Колонна машин въехала на территорию базы союза. Щербаков и отставники разошлись по казармам, довольные днём, который прошёл без стрельбы, но с полным поражением противника.

По дороге домой мы с Зоей завернули в мою старую школьную столовую. На кухне оставалась дежурная повариха тётя Маша. Она выглянула на шаги и сразу потянулась за тарелками.

— Проходите, ребята, — тётя Маша открыла дверь пошире и подвинула ногой стул к столу. — Тут у нас сегодня праздник. Первый раз за год.

Она поставила передо мной борщ. Подался к пару: так пахло свёклой и мясом, что пришлось сглотнуть. Рядом легли рассыпчатая гречка и кусок хлеба; корка ещё хрустела под Машинными пальцами.

— Это по твоему стандарту, Данила Павлович, — Зоя села напротив и пододвинула ко мне хлеб. — Мы приготовили специально для тебя. Попробуй, пока горячее.

Взял ложку и подождал, пока мясо в ней чуть остынет. Зоя следила за мной с таким вниманием, что я даже придержал тарелку свободной рукой.

Обычно обед проглатывал между делами: бутерброд у машины, кофе над чужой ведомостью. Сейчас можно было поставить локти на стол и спокойно подуть на горячее.

Телефон пока молчал; выловил со дна ещё кусок мяса.

Свёкла отдавала сладостью, уксус щипал язык. Ложкой размял мясо о край тарелки и зачерпнул борщ вместе с ним. Из таких порций и складывались наши школьные расчёты: положить в кастрюлю столько, сколько оплатили родители, и довести до детской тарелки. Восемьсот миллионов в месяц останутся у семей, а у поварих всё равно хватит продуктов на этот вкус.

Зоя смотрела на меня. Тётя Маша протирала столы, прислушиваясь.

Доел борщ, подобрал хлебом оставшуюся сметану и потянулся за гречкой. Зоя проводила взглядом опустевшую тарелку и тоже взялась за ложку. Надо же, целый день уговаривал людей посчитать свои обеды, а сам только сейчас сел поесть.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось имя Риммы; я вытер пальцы салфеткой.

— Данила, кафедра согласна, — донеслось из трубки. Я отодвинулся от стола и принял у Зои стакан компота. — Только ты меня дослушай.

Пришлось проглотить гречку, прежде чем я смог хоть что-нибудь ответить. Римма по паузе наверняка догадалась, где меня застал звонок.

— Но с условием: ты должен приходить лично, раз в месяц, — продолжила Римма. Я отставил стакан и переложил ложку на блюдце, освобождая перед собой место. — Читать лекции, показывать методы. Они хотят видеть автора, Данила. Не бумагу, тебя.

Глава 3

Допил компот из сухофруктов и отодвинул пустую тарелку, освобождая место перед блокнотом.

— Договорились, приду сам, — вытащил блокнот и записал на свободном поле «кафедра, раз в месяц».

Завершив звонок, убрал телефон рядом с тарелкой. Зоя вопросительно посмотрела на меня поверх стакана.

— Зоя Ермолаевна, — закрыл блокнот и придвинул к ней блюдо с оставшимся хлебом. — Завтра едем в следующий район.

Зоя широко улыбнулась, но я всё-таки подождал, пока она отставит компот и возьмёт хлеб.

— Едем, куда ж теперь деваться, — она отломила горбушку и собрала ею со дна тарелки остатки борща. — Вон ведь как умеем, если нас за руку поймать.

По оконному отливу застучал дождь. Повернулся к стеклу: наша машина стояла под фонарём, за ней темнел пустой школьный двор. До дома оставалось всего несколько минут, и я мог позволить себе ещё стакан компота.

Тётя Маша принесла добавки, хотя я уже отодвигал тарелку. Зоя взяла половину себе, и спорить я перестал. Бумаги подождут, пока мы доедим; завтра с этими расчётами снова идти к людям.

У вокзального эскалатора меня прижали к холодному поручню пассажиры с сумками. От мокрого сукна щекотало нос, из перехода тянуло дешёвым табаком. Поднял голову к табло: московский поезд опаздывал на сорок минут. Пока встречающие ждут наверху, у камер хранения должно быть свободнее.

Латунный ключ в кармане пиджака давил в бедро. На кольце болталась бирка «К-7»; конверт мы нашли после отъезда комиссии. Считал его весточкой Пастухова, но подписи там не было. Пока замок не откроется, даже происхождение ключа оставалось догадкой.

На вокзал меня привёз Палыч на УАЗе. Щербаков остался на постах, Люська разбирала школьные калькуляции. Зою я ещё с утра предупредил, что следующий район придётся отложить до возвращения; проверку она готовила без меня. Адрес Пастухова мы пока искали по ключу. Проверил его в кармане: если передача состоится, придётся принимать и бумаги, и условия хозяина архива.

Палыч ждал у выхода из подземного перехода. Найда сидела у его ноги, чуть прикрыв мутноватые от возраста глаза. На нашу поездку старик взял и поводок, и собачьи сухари; посмотрев на его оттопыренный карман, я пожалел, что сам с утра почти ничего не съел.

— Далеко? — Палыч укоротил поводок и пропустил меня к выходу из перехода. — Сначала К-7. Узнаем, что там оставили, и решим, куда ехать дальше, — достал ключ из кармана и показал ему бирку. — Знаю, — Палыч убрал с прохода сумку у скамейки и повёл собаку следом за мной. — Найда знает лучше. Она чувствует тех, кто носит железо под свитером.

У камер хранения после вокзального гула я слышал каждый наш шаг. Дежурный сидел в будке, закинув ноги на стол, и читал «Советский спорт». Газету он свернул узко, придерживая одной рукой; вторая лежала у края стойки. Когда мы приблизились, он придвинул её к коленям. Остановился у открытой дверцы соседней ячейки, оставляя между нами преграду, и подождал Палыча.

Остановился напротив следующей дверцы и снова сверил надпись «К-7» с биркой. — Добрый день, гражданин начальник, — Палыч тронул Найду за холку и подвёл к будке; она обнюхала мои брюки, затем перешла к ногам дежурного, который сполз со стула. — Чего вы хотите? — дежурный отступил от собаки и вцепился в край стойки. — Мы тут, понимаешь,

багаж забыли, — Палыч придержал Найду за ошейник и выложил на стойку документы. — Жена сказала, пока не найдем чемодан с конфетами для внучки, домой не пускать. А тут, видишь ли, порядок строгий. Может, поможем друг другу? У нас с собой документы, а у вас... контроль качества?

Найда села перед дежурным. Тот подтянул ноги под стул, а Палыч всё продолжал держать документы на виду. Я убрал ключ в карман и задержался у стойки, следя, куда исчезла его вторая рука. С ячейкой можно подождать ещё немного.

За будкой скрипнула дверь служебного входа. Двое в милицейской форме прошли к нам; старший представился из транспортной милиции и показал удостоверение. Щербаков обещал предупредить дежурную часть о нашей поездке. Я отступил от соседней ячейки и дал им подойти. — Пройдемте, товарищ. Есть вопросы по списку прибывших грузов, — высокий милиционер убрал со стола газету и взял дежурного под локоть. — Я тут дежурю! — дежурный упёрся ладонью в стойку и потянул руку из захвата. — А вот список дежурных не совпадает с графиком. Опять путаница. Иди, разбирайся, — второй милиционер обошёл будку и отодвинул ему стул, освобождая выход.

Милиционеры увели дежурного в боковой коридор. Он ещё оглянулся на нас, но руки уже держал вдоль тела. Палыч забрал документы со стойки и отвёл Найду к выходу; я остался у нужной дверцы.

Ключ попал в скважину только со второй попытки: я слишком крепко сжал его головку. Пришлось перехватить латунь двумя пальцами. Замок повернулся мягко, и я удержал дверцу за край, чтобы та не стукнула по соседней. Под пальцами осталась масляная полоска: механизм смазывали недавно.

На жестяном дне стояла небольшая коробка, перевязанная бечёвкой. Рядом в куске ткани лежал пистолет Макарова, блестящий от заводской смазки. Магазин из рукояти вынули. Отступил и позвал транспортного милиционера. Тот записал номер при нас; оружие оставили в ячейке до оформления. Брать чужой ПМ вместе с бумагами я поостерёгся: происхождение его ещё предстояло выяснить.

Коробку вынул обеими руками. Бечёвка врезалась в ладонь; под крышкой теснились папки, между ними лежали завёрнутые печати. Поставив груз на соседнюю скамью, проверил верхний лист: документы Управления, с подписями и датами.

На обратной стороне крышки ячейки была приклеена записка. Аккуратно написанный адрес на бланке областного управления. Даже сдаваясь, Пастухов не мог отказаться от формы. «В кафе не приходи. Жду на даче: Сосновый бор, дом четырнадцать». Ниже стояли инициалы Пастухова. Вот теперь у поездки появился адрес, а у отменённой встречи в «Столичном» появилась замена.

Вышел на солнце. Палыч сидел на скамейке, кормя Найдку сухарем. — Все чисто? — Палыч стряхнул крошки с ладони и встал со скамейки. — ПМ оставил транспортникам, бумаги забрал, — передал ему коробку и вынул из кармана записку с адресом. — Теперь к хозяину, он нас ждёт.

Палыч перенёс коробку в УАЗ и открыл мне заднюю дверь. Прочёл ему адрес записки, затем убрал ключ в карман; теперь ехать следовало прямо на дачу.

Дача стояла в конце тупика между высокими соснами. Палыч заглушил двигатель, и под колёсами зашуршал осыпающийся щебень. Над закрытыми ставнями выступала сосновая ветка; я задрал голову, проверяя окна второго этажа, затем открыл дверцу машины.

Палыч остался в машине, наблюдая за подъездной дорожкой. Найда спала на заднем сиденье, свернувшись клубком. Поправив галстук, подхватил коробку с сиденья и пошёл к калитке.

За калиткой захрустел гравий. Убрал руку от звонка и дождался, пока хозяин подойдёт. Всеволод Ильич Пастухов стоял по другую сторону ограды. Вблизи стали заметны впалые щёки

и глубокие складки у рта. Плечи в костюме осели, зато подбородок он держал по-прежнему высоко, заставляя меня смотреть ему в лицо через верх калитки.

— Грачёв, всё-таки добрались, — Пастухов взялся за край калитки и отвёл её шире. — Вашу записку я прочёл, Всеволод Ильич, — поправил коробку на сгибе локтя и прошёл во двор. — За остальным приехал. — Я всегда жду, только иногда не знаю чего, — он отступил к двери и убрал с порога домашние тапочки.

Поднялся вслед за ним на крыльцо, стараясь держать тяжёлую коробку поближе к животу. — Проходите. Чай остывает, — Пастухов распахнул дверь в комнату и указал мне место за столом.

На столе уже стояли два стакана и чайник, белую скатерть расправили до самых краёв. Обошёл стул, задевая коробкой о спинку, и задержался у полок с административным правом. Рядом с энциклопедиями Пастухов расставил портреты генсеков по годам. Для такого гостя он приготовился основательно, вплоть до второй тарелки.

Сел, удерживая коробку на коленях, пока Пастухов разливал чай. Горячий стакан он поставил достаточно далеко от папок; я отметил эту привычку и дождался, пока хозяин сядет напротив. — Кофе молотый кончился, — он снял крышку с сахарницы и пододвинул её ко мне. — Придётся чаю, сахар в вазочке.

Стакан звякнул о блюде. Обхватил его ладонью, дожидаясь, когда Пастухов объяснит, ради чего разложил здесь свой архив. — Мошарин дал приказ, — Пастухов отставил стакан и опёрся локтями о стол. — Мокрую развязку. Чтобы комиссия не узнала о том, что стандарт принят без его ведома. Чтобы область запомнила страх, а не результат.

— Почему вы не выполнили? — опустил коробку с колен на пол и подался к нему через стол. — Потому что я устал бояться, — он снял очки и протёр стекло краем носового платка. — И потому что вы оказались быстрее. Ваш документ сильнее моего приказа.

— Что вам нужно? — положил ладони на скатерть и расправил завернувшийся край. — Гарантий безопасности? Живого места в тюрьме? — Гарантий людям, — Пастухов придвинул мне лист с фамилиями и прижал пальцем верхнюю строку. — Одиннадцать фамилий. Те, кто работал со мной по ведомости. Бухгалтеры, водители, клерки. Они ничего не решали. Они только исполняли. Если их тронут, архив станет бесполезным. Там много подписей, которые можно объяснить только через живых свидетелей.

— За шестерых поручусь перед своими, — взял лежавшую у списка ручку и отметил шесть строк. — Гарантирую процессуальные права и отсутствие давления со стороны союзников. Остальных спросят по закону, как и всех остальных. — За восьмерых, Грачёв, — он забрал лист и подчеркнул ещё две фамилии. — Эти двое тоже дадут показания. — Семерых беру под защиту, — вернул лист на середину стола и закрыл пальцем последнюю отметку. — За этого ручаться пока рано. — Плюс один: молодой клерк, Стасик Волков, — Пастухов вытянул из-под моей ладони угол списка и дописал фамилию. — У него фотопамять на весь поток товаров за последние два года. Вы его унизили на облисполкоме в прошлом году, но он нужен вам. Этот мальчишка помнит, где были откаты. — Согласен, восемь, — убрал палец с последней фамилии и подписал оговорку под списком. — Но любой новый ход против меня аннулирует договор. Своих тогда сдерживать обещаниями не буду; разбираться с вами станут по каждому делу.

— Справедливо, с этим я согласен, — он прочёл оговорку и поставил рядом свою подпись.

Поднявшись, Пастухов прошёл к шкафу и вытащил вторую коробку, точно такую, как та, что я привёз с вокзала. На скатерти от её угла осталась пыльная полоса. — Вторая половина. Ведомости расходов и переписка с Москвой, — Пастухов разрезал бечёвку на второй коробке и раскрыл верхнюю папку.

Сверил содержимое второй коробки с названными папками и уложил обратно переписку с Москвой. Её ещё читать и читать. Сейчас достаточно было забрать всё вместе с человеком, который объяснит, кому предназначались письма.

Вынес обе коробки к УАЗу, пока Палыч освобождал заднее сиденье. Пастухов прошёл по даче, проверил окна и запер входную дверь. Домой с нами поехал и хозяин архива.

Обратно нас ехало трое. Пастухова я усадил рядом с собой сзади, коробки поставил в ноги. Палыч оглянулся на нового пассажира и завёл мотор. Найда проснулась и потянула носом к чужому мужчине.

— Куда теперь? — Палыч повернул зеркало к заднему сиденью и убрал с панели записку с адресом. — Через центр, — Пастухов подтянул коробку подальше от двери и указал на дорогу к центру. — Хочу посмотреть на город в последний раз.

У остановки «Театральная» человек в тёмных очках повернул голову вслед за нашим УАЗом. Проследил за ним через боковое стекло, затем перевёл взгляд на дорогу позади. Кому-то очень хотелось проводить Пастухова с дачи; связывать прохожего с советом или Мошариным пока было рано.

Пастухов обхватил дверную ручку и прильнул к тому же стеклу. Придержал верхнюю коробку коленом, чтобы она не съехала на повороте. Палыч держал прежнюю скорость. Повернувшись к заднему стеклу, проследил за такси, которое шло за нами от перекрёстка: оно свернуло во двор. Сменили машину или закончили наблюдение? Попросил Палыча сделать лишний круг, прежде чем ехать к дому.

Когда такси скрылось во дворе, Пастухов коротко улыбнулся. Заметил это краем глаза, всё ещё следя за перекрёстком. Кажется, проверочный круг устраивал нас обоих.

— Хорошая манера, — он снял очки и положил на закрытую коробку. — Не показывать испуг. — Испуг можно и потерпеть, — подвинул коробку ногой под сиденье и ослабил тугой узел галстука. — Лишь бы руль держать прямо. А характер я тренировал долго.

Пастухов кивнул и замолчал. До моего дома мы ехали в тишине, нарушаемой только шелестом шин по мокрому асфальту.

После проверочного круга Палыч остановился у моего дома. Коробки мы занесли вдвоём, Пастухов поднялся следом; я попросил водителя остаться у входа, пока не закончим передачу.

Дома меня ждали. Люська сидела за столом с тетрадью и калькулятором. Ада стояла у окна, куря сигарету, хотя я просил не курить в кабинете. — Приехал, — Ада вдавила окурков в пепельницу и отворила окно. — Целый? — Почти, — поставил коробки на стол и сдвинул в сторону калькулятор. — Начинаем разбор.

Ада придвинулась к столу. В качестве наблюдателя совета ей следовало удостоверить передачу; я протянул чистые бланки описи, чтобы она сразу писала свой экземпляр. Пока наши интересы сходились на этих папках. — Подписи оригинальные? — она открыла первую папку и развернула лист к лампе. — Посмотри сама, — достал гербовый журнал регистраций из своей сумки и положил рядом. — Сверь печать с образцом.

Ада работала быстро, профессионально. Люська переписывала номера счетов, суммы, даты. Пыль от старых бумаг щекотала нос; я сдерживал чих, пока Ада сверяла номера.

Пастухов сидел в углу, на табурете, наблюдая за нами. Он выглядел маленьким, потерянным человеком. Когда Ада закончила проверку первой пачки документов, она подняла голову. — Оригиналы должны уйти в архив совета, — Ада накрыла ладонью верхнюю папку и потянула её к своему краю стола. — Для обеспечения прозрачности расследования.

Перевёл взгляд с Ады на Пастухова и придвинулся к папкам, закрывая коленом проход к сейфу. — Нет, совет получит копии и предварительные описи, — придержал папку и придвинул к Аде чистые бланки. — Оригиналы останутся здесь, в моём сейфе. — Это нарушение регламента, — Ада отодвинула чистые бланки и вытянула лист из-под моей руки. — Архив добыл я и за него отвечаю, — вернул лист в папку и убрал оригиналы к себе. — Стандарт раз-

работал тоже я. Совет может запрашивать данные через официальные каналы, но эти бумаги я вам не отдаю.

Ада перевела взгляд с сейфа на пустые бланки. Оставил перед ней ручку, пока она решала, что вписать в опись. — Хорошо. Но я оставляю за собой право на независимую экспертизу любых спорных документов, — она освободила место перед тетрадью Люськи и положила туда свой экземпляр описи. — Записывай экспертизу в опись, я подпишу, — отметил её требование на полях и повернул лист к ней.

Пастухов следил, как архив перемещается к сейфу. Когда последнее дело оказалось у меня, он откинулся к стене и перестал сжимать сиденье табурета. Сложил документы ближе к сейфу, оставив Аде место для сверки.

Люська добралась до личных дел сотрудников. Она открывала прошитые синей ниткой папки и сверяла фамилии с тетрадью. У дела Пастухова задержалась дольше: картон расслаивался. — Грач, — Люська отложила ножницы и провела пальцем по утолщённому краю обложки. — Тут что-то под картоном, обложка вдвое толще.

На обложке значилось «Личное дело. Пастухов В. И.». Прижал дело к столешнице, пока Люська снова взяла ножницы и надрезала картон. Из уплотнения она вытащила сложенный лист миллиметровки.

Мы разложили его поверх пустой крышки коробки. Тушь проступала даже сквозь сгибы. Придержав загнутый угол, разглядел карту. Узлы железных дорог на ней соединили линиями от руки; я повернул лист к лампе, чтобы прочесть пометки у пересечений. По Московской области красным шли маршруты вдоль трасс и железнодорожных узлов. С официальными накладными их концы расходились. Сопоставил подписи у точек с уже встречавшимися в делах грузами: сюда свозили теневой алкоголь, через соседние ветки шли оружие со складов и деньги офшорных контор. Подпись автора поискал по углам, затем вернулся к буквам у станции. Крупный угловатый почерк и росчерк у названия принадлежали Мошарину. Уже держал его бумаги в руках; на этом черновике он так же цеплял последнюю букву за следующую линию.

Пастухов следил за моим пальцем на карте. Вшитый в личное дело черновик пережил и комиссию, и передачу архива. Хорошую страховку он приготовил себе на хозяина; теперь я придерживал её на крышке ладонью.

— Что это? — Ада подошла к нам и отодвинула папку, заслонявшую ей рисунок. — Старые схемы логистики, — забрал карту у Люськи и сложил рисунком внутрь. — К личным делам отношения почти никакого, маршруты устарели.

Ада проследила, как лист исчез в моём кармане, и перевела взгляд на Пастухова. Тот потёр губы пальцами. Подвинул к ней общую опись, ожидая следующего вопроса. — Архив принят, — Ада подшила подписанные листы и убрала свою опись в сумку. — За копиями завтра пришлю курьера.

Входная дверь хлопнула за Адой. Дождя, пока шаги стихнут на лестнице; Люська продолжала сверять оставшиеся фамилии. — Вы знали, что я возьму эту карту? — вынул карту из кармана и развернул перед Пастуховым. — Я надеялся, что вы её не найдете, — он отодвинул от бумаги пустой стакан и прижал угол к столу. — А если найдете — поймете.

— Пойму, куда он меня зовёт? — повернул к Пастухову станцию на схеме и постучал ногтем по красной линии. — Поймёте, что война продолжается и после падения одного полковника, — Пастухов провёл пальцем вдоль трассы и остановился у сортировочной станции. — Этот черновик приглашает вас на бой. Мошарин хочет, чтобы вы пришли к нему, по его правилам.

Разгладил лист на столе. Линии сходились к большой сортировочной станции на границе области. Через неё проходили транзиты, которые я собирался контролировать, и здесь же можно было встретить людей, плативших за налёты на мой груз.

— Вы отдаёте мне оружие против себя же, — обвёл ладонью нанесённые трассы и задержал его палец на узле у станции. — Я отдаю вам правду, — он высвободил руку и отодвинул карту ко мне. — Правда всегда опаснее оружия.

Палыч устроил Пастухова в свободной комнате под присмотром, а я запер остальной архив в сейф. Карту оставил на столе и принёс миллиметровку. Аня заглянула пожелать спокойной ночи и ушла спать; Люська осталась помогать с копией.

К ночи у меня затекла шея. Выключив верхний свет, я оставил лампу над картой и растёр плечо о спинку стула. Из спальни доносилось Анино дыхание; приходилось двигать бумагу потише. Маршруты переносил от руки, соединяя на чистой миллиметровке станции и подъезды. На каждом повороте сверял, откуда туда попадёт груз и куда его можно вывести. Копировальный аппарат дал бы мне ещё один лист, а здесь каждый поворот приходилось проводить самому, и дорога укладывалась в памяти.

Напротив Люська делала точную копию с оригинала, переносила и мелкие карандашные пометки. Хотел держать обе версии под замком: если кто-то унесёт одну, у нас останется с чем сравнивать. — Ты уверен, что это безопасно? — Люська выровняла лист по краю линейки и придержала миллиметровку локтем. — Держать такой архив у себя дома, рядом с Аней. — Безопаснее, чем в управлении. Там уже слушают, — проверил запор на двери кабинета и вернулся к столу. — Здесь хотя бы знаю, кто входит в дом.

Доведя карандаш до нижнего поля, остановился и подтянул лампу ближе. Под примечаниями кто-то мелко рассчитал стоимость перевозки тонны груза. Переписал сумму, затем подошёл к сейфу и вынул расходные ведомости Пастухова: понадобился образец его цифр. Его цифры расходились с этими даже по наклону. У Мошарина на карте все надписи были крупнее и угловатее. Здесь же неизвестный сводил нули узкими петлями и ставил аккуратные короткие единицы. Третий человек посчитал перевозку, а возле результата поправил поворот маршрута. «Фонд обеспечит», — вспомнил я слова Чеботаря из района. Снова проследил ногтем путь к станции. Если расходы утверждал этот третий, искать заказчика только среди людей Мошарина будет мало. Следовало сопоставить этот расчёт с тем, что сумеем узнать о фонде.

Глава 4

Стерев собственные пометки на черновике, я заново перенёс этот поворот. Люська ждала, придерживая оригинал за угол, пока я сверял положение станции. Пастухов передал и маршрут, и своё предупреждение. Спрятать бумагу в сейфе я успею, а вот колонна с мукой поедет уже ближайшей ночью. Отметил свободные подъезды к эстакаде. Там понадобится свет, иначе на этом переплетении рельсов ночью своих людей потеряем.

Часы показывали три утра. До выхода колонны оставался день; следовало хоть немного поспать, прежде чем раздавать распоряжения. Сложив свой черновик вчетверо, убрал его во внутренний карман пиджака, рядом с латунным ключом. Оригинал и точную Люськину копию запер в сейфе вместе с архивом. Люська собрала обрезки миллиметровки и выключила лампу над столом. Ещё раз потянул дверцу сейфа на себя. Потом прошёл к спальне, на ходу прикидывая, кого утром отправить проверять подъезды к станции.

Утром ветер гонит со двора склада №2 запах солярки и свежих досок. Застёгиваю куртку до горла и останавливаюсь у разгруженного леса: теперь эти ворота, посты и людей нужно удерживать за собой по каждой бумаге. Из будки Палыча доносится треск перелистываемой тетради. Видимо, гости уже приехали.

— Грач! — Палыч выставляет жестяную кружку на подоконник и протискивается со стопкой бумаг в дверь будки. — Комендант приехал, твой человек Гончар уже руки расставил. Я ему сказал: «Гончар, ты что, панихиду по демократии устроил?» А он мне: «Палыч, это ритуал встречного объятия суверенитета». У меня аж челюсть свело.

У ворот через канаву выставила нос машина областной комендатуры. Полковник выбирается из кабины, придерживая фуражку, за ним выходят двое фельдъегерей. Я ускоряю шаг по гравию. Гость щурится на солнце, разглядывает наши посты и останавливается перед Гончаром.

Гончар стоит у ворот на мокрой железной плите. Бывший десантник пытается читать по школьной тетради, одновременно удерживая ноги по стойке смирно. Подошва соскальзывает, и ему приходится переставить ступню. Я замедляю шаг: дать бы ему закончить до того, как полковник начнёт проверку.

— ...И согласно пункту четыре временного устава караульной службы гражданского образца, — Гончар подносит тетрадь к глазам и заслоняет ладонью страницу от ветра, — любое лицо, желающее проникнуть на объект без ордера или пропуска союзного стандарта, должно быть остановлено методом... э-э... методическим воздействием на психику через диалог и демонстрацию нормативных актов.

Полковник хмыкает и подступает к тетради, которую Гончар держит у самого лица. — Ты чего там бормочешь, солдат? Где приказ? Где бумага от Москвы? Пока её нет, все эти ваши склады — ничья территория. Ликвидационная комиссия вот-вот приедет. Я рекомендую освободить посты. По-хорошему, — полковник отодвигает тетрадь от лица Гончара и показывает на выставленный пост.

Гончар переставляет ногу с железа на гравий и всё крепче держит тетрадь. Приказ охранять склады он понял прекрасно. Теперь от него требуют объяснить, почему он здесь стоит. Я подхожу к ним и раскрываю портфель. — Станислав Сергеевич, — достаю из портфеля акт ответственного хранения и прижимаю к нему копию областного распоряжения. — Если вам нужны бумаги, они есть. Но сначала послушайте устав. Палыч его писал ночью, под водку и печенье, поэтому там есть некоторые... художественные изыски. Но суть верна.

— Устав? — полковник поворачивается ко мне и загораживает фельдъегерю дорогу к воротам. — Какой ещё устав? Вы кто такие вообще? Шайка бандитов с лицензией?

— Шайка гражданских специалистов, — придерживаю раздуваемый ветром лист и помогаю Гончару найти страницу. — Читай дальше, про совместное несение. Тут и для гостя место найдётся.

Перевернув страницу, Гончар продолжает двигать губами, зато звук пропадает. Я заглядываю через плечо: дочитал до бытовых потребностей караула. — Так... пункт семь... «О бытовых потребностях караула». Там сказано... э-э... «При отсутствии столовой разрешается использование личных запасов продуктов питания, включая соленья, маринады и... рецепт огурцов по-корейски». Это... это же не то! — Гончар водит пальцем по строчкам и сдёргивает тетрадь с моих рук, проверяя обложку.

Молодой фельдгегерь закрывает рот кулаком. Второй отворачивается к машине, но по плечам видно, что и ему очень весело. Полковник смотрит на тетрадь, затем на Палыча у будки. Я кусаю щёку изнутри, стараясь дать Гончару дочитать.

— Корейские огурцы? — полковник заглядывает в тетрадь и оттягивает за угол нужный лист.

— По странице семь, товарищ полковник, — Палыч выходит из будки и забирает у Гончара тетрадь. — А на странице восемь у нас про оружие. Хотите про оружие? Или про огурцы? У нас тут демократия, всё открыто.

Полковник хохочет так, что ему приходится снять фуражку. Я отхожу от тетради и прячу улыбку за раскрытым актом: теперь можно хотя бы говорить обычным голосом. — Ну вы даёте, Грачёв. Ваш человек путает устав с кулинарной книгой. Идиотизм, — полковник вытирает глаза и опирается ладонью о капот.

— Идиотизм спасает жизни, — разворачиваю акт и передаю Гончару, чтобы тот предъявил гостю. — Когда решаешь, смеяться тебе или плакать, руки до оружия не доходят. Вот, покажи документ, настоящий.

Гончар принимает акт и разворачивает его перед полковником. Тот сверяет подпись с гербовым журналом регистраций; я кладу тяжёлую книгу на капот УАЗа. К акту ответственного хранения подшита копия областного распоряжения. Я придерживаю её от ветра, пока гость читает основание каждого поста.

— Ладно, посты оставляем, — полковник складывает акт и протягивает его мне. — Но я требую, чтобы при вас был мой человек. Для контроля, чтобы не натворили делов.

— Принято, — вкладываю бумагу в портфель и отхожу от будки, освобождая проход. — Кого пришлётё?

— Вот этого, — полковник подзывает молодого фельдгегеря и подталкивает к проходной. — Пусть дежурит на проходной. Заодно научится, как правильно документы проверять. А то у вас тут одни рецепты в головах.

Фельдгегерь козыряет и занимает место у будки. Гончар отходит к своим людям, а Палыч задерживается рядом со мной, держа тетрадь раскрытой. — Держи, брат, — Палыч отгибает угол страницы и протягивает мне раскрытую тетрадь. — Огурцы действительно по-корейски вкусные. Я специально вписал, чтобы отвлекать внимание. Работает.

— Работает, — возвращаю ему тетрадь и указываю место на стене будки. — Но впредь пиши устав начисто. А этот вариант пусть висит здесь как экспонат «Школы Найды».

— А Найда-то где? — Палыч убирает тетрадь под мышку и заглядывает за угол будки. — Она сегодня главный экзаменатор, ей ещё готовиться.

У грузовика лежит пустая подстилка. Я оглядываю двор и захожу за будку, откуда доносится плеск воды.

Найда лакает воду из миски за будкой, пока сменщик расчёсывает ей загривок. Палыч забирает поводок и ведёт её к ящикам, назначив проверку на два часа. До неё я ещё успеваю заглянуть к отцу в мастерскую.

Мастерскую отца мы устроили в бывшем гараже Управления за две недели. У двери я вытираю подошвы: на полу уже рассыпана свежая стружка, а от заготовок тянет ПВА. Трое учеников стоят у верстаков; ближний пробует лезвие на обрезке, прежде чем вернуться к своей детали.

Отец поднимает голову от заготовки и вытирает ладони о фартук. Сын Шмеля за соседним верстаком замечает меня позже остальных. Худому мальчишке лет пятнадцать; у него круги под глазами, и на моё приветствие он только кивает, пододвигая деталь ближе к себе.

Дверь за мной хлопает о стену. Я отступаю от прохода: на пороге Шмель, он ищет сына взглядом. Мальчишка опускает стамеску на верстак. — Пацан, выходи, — Шмель перешагивает порог и манит сына из-за верстака. — Хватит тут возиться с досками. Домой идём.

Отец отходит от ученика к своему верстаку. Я освобождаю ему проход к Шмелю, ожидая, что сейчас придётся вмешаться. — Держи-ка стамеску, — отец берёт её со своего верстака и поворачивает к Шмелю рукоятью. — Покажи, как режешь, раз уж пришёл.

Шмель смотрит то на стамеску, то на сына. Я пододвигаю к свободному верстаку сосновую планку. Рукоять всё ещё лежит на отцовской ладони, и Шмелю приходится либо взять её, либо пройти мимо. — Ты чего, старый? — Шмель снимает куртку и цепляет её на гвоздь у двери.

Он принимает инструмент и пробует снять стружку с сосновой планки. Лезвие уходит вглубь, выламывая щепу. Шмель упирается сильнее, и отец накрывает его кисть ладонью. — Лезвие опусти положе, вот под таким углом, — отец разворачивает планку и поправляет ему кисть. — Не дави всей рукой, води режущей кромкой.

Вторая стружка выходит длиннее. На третьей Шмель сам меняет хват и подтягивает планку к свету. За целый час он несколько раз перекладывает заготовку, сверяясь с тем местом, где отец показал надрез. Сняв ровную ленту стружки, он подносит её к глазам и проводит большим пальцем по дереву. Затем кладёт стамеску на верстак, вытирает руки и идёт к двери. Сын смотрит ему вслед, продолжая держаться за край своей детали.

Мальчишка дожидается, пока шаги за дверью стихнут, и поворачивается к моему отцу. — Он... он приходил забрать меня, — мальчик откладывает свою заготовку и тянется за оставленной отцом тряпкой.

— Пока ты здесь работаешь, место за верстаком твоё, — отец подвигает ему новую планку и убирает стружку к краю. — Останешься? Тогда вот эту разметь, к прежней парой.

Мальчишка кивает и подтягивает новую планку к своей. Ещё раз глянув на дверь, он берёт карандаш и меряет заготовку. Я отхожу от верстака: если Шмель захочет забрать его, придётся возвращаться и говорить заново.

Дождавшись, пока мальчишка уберёт стружку у верстака, я выхожу вместе с отцом во двор. На складе уже расставляют привезённые ящики. Палыч машет нам, подзывая к столу: сейчас покажет, чему научилась Найда.

К двум часам Палыч собирает людей во дворе склада. Для проверки Найды он умудрился раздобыть белую скатерть и накрыть ею стол между ящиками с мукой. На скатерти теснятся чемоданы вперемешку с сумками и коробками со складов Управления. Останавливаюсь позади ветеранов, откуда хорошо видно собаку.

Найда сидит в тени грузовика и поворачивает уши на каждый скрип ручки чемодана. Палыч гладит её по загривку, ожидая, пока люди освободят проход. — Работа, девочка, — Палыч снимает поводок и подводит Найду к первому чемодану. — Ищи лишнее.

Найда обходит первый чемодан, задерживает нос у застёжки и идёт дальше. На втором она нюхает угол дольше, но тоже отходит. К третьему ветераны уже отвлекаются, переговариваясь у меня за спиной. Палыч проводит ладонью по пустому ремню: на показ своей службы он рассчитывал явно больше, чем на такую прогулку.

— Проваливает программу, — ветеран отодвигает проверенный чемодан и заглядывает под стол. — Дрессировка хромает.

У последнего фанерного ящика Найда останавливается. Ведёт носом вдоль нижнего края, садится и поднимает голову к Палычу. На второй лай я отступаю, освобождая ей проход.

Разговор за спиной обрывается. Палыч бросает поводок на скатерть и подходит к собаке. — Она на этот ящик лает? — Гончар вытаскивает его из общего ряда и присаживается у фанерного борта. — Нет, — отвожу Найду от ящика и освобождаю место Палычу. — Она докладывает.

Палыч достаёт прислонённую к ножке монтировку и поддевает фанеру. Ящик приходится положить набок; дно отходит с треском. Под картонной прокладкой лежит чёрная коробочка в металлическом корпусе. Я наклоняюсь к блестящим контактам и тонким проводкам: эту пломбу собрали куда тщательнее, чем приколотили фанеру.

— Что это? — Палыч подсовывает под находку картон и приподнимает над вскрытым дном.

— Стой, проводки целы? — удерживаю его руку и наклоняюсь ближе к находке. — Вот так и оставь, тут специалист нужен.

Ближний ветеран убирает с прохода чемодан и зовёт остальных посмотреть на вскрытое дно. Я отвожу его локоть от коробочки: всем любопытно, а потом поди объясни Гурьянову, что именно мы успели оторвать.

Палыч заслоняет находку от любопытных. — Устав... — Палыч опускает находку на картон и вытирает ладонь о штанину. — В уставе не написано про электронику. Я думал, мы охраняем от людей.

— Мы охраняем от всего, что дышит, — отодвигаю ящик от остальных вещей и подзываю Щербакова. — Даже если оно дышит током.

Подхватываю картон с пломбой, стараясь удержать её горизонтально. Корпус лёгкий, чуть тёплый. До меня здесь уже распоряжался человек, которому требовалось спрятать эту вещь под полом грузового ящика. А мы только что собирались отправить его дальше вместе с товаром.

Из складской конторы я звоню Лабазову. Он договаривается с Гурьяновым об осмотре находки у себя в кабинете. Устройство кладём в жестяную коробку, Палыч подписывает, откуда его вынули. Гурьянов просит до осмотра больше ничего внутри не трогать.

В кабинете Лабазова сажусь боком к столу, оставляя Гурьянову место для прибора. Он ставит его под лампу и вскрывает пломбу, придерживая корпус пинцетом. Подаю ему картон с записью места находки.

— Такие ставят на грузовые контейнеры для отслеживания маршрутов, — Гурьянов откладывает отвёртку и подставляет мне разъём под лампу. — Дальность передачи небольшая, но с ретрансляторами вдоль дороги можно знать, где едет каждая фура в колонне.

Сиденье подо мной поскрипывает; коленом едва не задеваю прибор. — То есть это не прослушка разговоров? — сажусь ближе и заслоняю лампу, чтобы рассмотреть внутренности.

— Разговоры тоже передавались бы, будь здесь микрофон, — он проводит отвёрткой вдоль платы и указывает на передающий узел. — Но главное здесь маяк, радиометка. Метили ваш склад с товаром. Значит, груз кто-то ждал в определённом месте. Либо вас самого.

— Второе исключено, — отодвигаю лампу обратно к плате и поднимаю со стула складскую опись. — Меня здесь не было, когда ставили. Груз был.

У прибора щёлкает контакт, и Гурьянов поправляет провод кончиком отвёртки. — Тогда цель у них груз, — Гурьянов снимает очки и тянется к описи. — Мука, сахар, что на вывоз готовили?

— Всё, что движется по моим транзитам, — передаю ему лист и отмечаю карандашом подготовленную колонну. — И они хотят видеть, куда оно едет.

Щербаков протискивается в кабинет; освобождаю ему место под записи. — По перегону проверили, — Щербаков разворачивает блокнот и показывает мне номера. — У сортировочной эстакады сутки стояла цистерна без документов. Мы сверили номер, она числится в ремонте. А рядом свежие следы шин, будто туда на свидание ездили.

Я поднимаюсь со стула, освобождаю место перед ведомостью. — Помеченную колонну с мукой как раз туда и выводим в ближайшую ночь, — придвигаю к его записи складскую ведомость и отмечаю время выхода колонны.

Щербаков подбирает карандаш, ожидая распоряжений. — Что готовить, Данила Павлович? — Щербаков перелистывает блокнот и зажимает карандаш над чистой строкой.

— Световую ловушку на эстакаде, — указываю ему адрес и подчёркиваю в списке прожекторы. — Возьми мощные со склада Пастухова. И ветеранов Гончара, кто прикроет установку и подходы.

Щербаков переписывает номера нужных прожекторов. Палыч ждёт у шкафа, придерживая свою тетрадь локтем. — Грач, а если это Мошарин? — Палыч отходит от шкафа и склоняется над ведомостью у моего плеча.

— Если это Мошарин, значит, он боится, что стандарт работает, — отрываю лист со списком оборудования и передаю Щербакову. — И хочет его сломать физически, бандитами вместо бумаги.

Палыч заглядывает в свою тетрадь и отыскивает свободную страницу за рецептом. — Значит, в устав надо добавить раздел «О посторонних излучениях», — Палыч забирает пустую жестяную коробку и примеряет к своей тетради. — Нарисую картинку, Найда будет рядом сидеть. А то огурцы все выучили, до груза ни у кого руки не дошли.

— Рисуй, только быстро, — освобождаю ему стул и забираю опись из-под лампы. — Нам к ночи колонну выводить.

Щербаков уходит проверять подъезды к эстакаде, а я забираю у Гурьянова список нужного оборудования. По дороге на базу заезжаю в институт: Римме обещал появиться лично, до её вечернего занятия ещё успеваю.

Вечером институт ещё гудит студентами. Протискиваюсь к двери аудитории и останавливаюсь у косяка. Римма ведёт практическое занятие у доски. Указку она зажала под локтем, чтобы писать; знакомая складка у переносицы заставляет меня улыбнуться. Сейчас кому-то очень убедительно объяснят его арифметику.

— Учимся находить недовес расчётом, по методике автора, — Римма стирает с доски старую запись и выводит рядом две колонки расходов. — А после проверите расчёт весами, чтобы мне тут красивых чисел из головы не насочиняли.

Римма замечает меня и улыбается одними уголками губ. Поднимаю ладонь, показывая, что подожду за дверью, пока она закончит строку. Студенты оборачиваются; приходится тихо зайти и занять свободное место у стены. Обещал появиться лично, вот и явился с ведомостью в кармане.

Пока Римма объясняет разницу двух колонок, я на обороте списка рисую подъезд к эстакаде. Жаль, здесь свет можно включить одним щелчком, а там нам ещё тянуть питание и разворачивать машины.

После занятия я выхожу к машине. Водитель открывает мне дверь; я убираю бумаги в папку на заднем сиденье, рядом с блокнотом Люськи. Палыч оставил в машине термос с чаем. Нахожу кружку, прежде чем просить везти меня к колонне.

За окном зажигаются фонари. Отпиваю чай, прикидывая, что увидит водитель, если такой свет ударит ему в лицо на узком съезде. На эстакаде противника придётся заставить остановиться, а свои машины провести за насыпью.

На повороте я придерживаю кружку обеими руками. По черновику в кармане можно восстановить нужную станцию, но оригинал карты оставлен в сейфе. Если что-нибудь случится с нами, бумаги всё равно останутся дома вместе с точной копией.

На выезде водитель притормаживает, пропуская студентов. Прошу его ехать на базу: до выхода колонны остаётся несколько часов, а свет мы ещё ни разу не проверяли вместе.

Люська позвонила с базы, когда я возвращался из института: Гурьянов подтвердил, что все три метки передают сигнал. Попросил водителя прибавить ходу.

На базе ещё шла погрузка. Водители перетягивали брезент, у конторского окна ждал Гурьянов с открытой коробкой. Вошёл к нему, оставив водителю список оборудования: до выхода нужно было повторить проверку каждой метки.

Дневной находкой оказалась одна радиометка в фальшдне ящика. По совету Гурьянова мы проверили фургоны и сняли с двух кузовов ещё по такой же. Теперь все три лежали у его приёмника, помеченные мелом. Пересчитал их, сопоставляя с номерами машин, и придвинул опись к Гурьянову. — Это не микрофон, Данила Павлович, — Гурьянов повернул корпус в пальцах и показал мне передающий узел. — Это маяк. Такие ставят на контейнеры с грузом, который нужно найти в темноте. Или навести на него. — Кто по нему выйдет на колонну? — отложил опись и подсел к прибору. — Те, у кого есть приёмник и машина, — он отделил метку от провода прибора и выложил рядом с двумя остальными. — Федеральные ребята, работающие на заказ, таким пользуются. Кто у вас — ещё разбираться надо.

Провёл пальцем по номерам двух помеченных фургонов. В ближайшую ночь они должны взять муку для хлебозаводов. Оставь мы коробочки на месте, искателям даже расспрашивать никого не придётся. А если цель налёта показать области, чего стоит мой стандарт, гореть будут и товар, и машины с людьми.

— Щербаков, поднимай резерв, — взял рацию с конторского стола и вышел к двери, перекрывая шум погрузки. — Всех свободных ветеранов ко мне. Проекторы со склада Юдина уже везут? Подгони машину сюда, проверим крепления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.